

MY YARD ДЛЯ ПЯТИ МИЛЛИОНОВ

ВАДИМ БАСС — ИСТОРИК АРХИТЕКТУРЫ, КАНДИДАТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПРОЧИТАТЬ В «ВИКИПЕДИИ» ПРО ТУЧКОВ БУЯН, ТО БОЛЬШИНСТВО ССЫЛОК БУДЕТ НА ЕГО РАБОТЫ. ОН ЗАНИМАЛСЯ ИСТОРИЕЙ ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ВЕСЬ ГОРОД РИНУЛСЯ ПРИДУМЫВАТЬ НАЗВАНИЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО АРТ-ПАРКА И ГОЛОСОВАТЬ ЗА ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ. МЫ БЕСЕДУЕМ О ТОМ, КАК ЖЕ ТАК ВЫШЛО, ЧТО УЖЕ ТРИ ВЕКА В ЦЕНТРЕ ПАРАДНОГО ПЕТЕРБУРГА — СЛЕПОЕ ПЯТНО. СВЕТЛАНА ХАМАТОВА

GUIDE: Пожалуй, это главный вопрос. Знаю, что вы летом даже экскурсию проводили: «Тучков буян: слепое пятно Петербурга». Так почему же эта территория оказалась такой... недоосвоенной?

ВАДИМ БАСС: В какой-то мере это наследие петровской логики проектирования Петербурга: Петр, отчасти с оглядкой на Амстердам, спокойно сочетал парадные здания и утилитарные, поэтому тут у нас дворец, а через дорогу — судоверфь. Потом это стало традицией, и к началу XX века Петербург представлял собой сумму города-дворца и города-сарая. А дыра оставалась и всех беспокоила. Вдобавок изначально там было пять островов, их по очереди присоединяли к материку, засыпая протоки, за исключением Ватного острова: он принадлежал министерству внутренних дел и город не мог с ним ничего сделать. С конца XIX века возникало много вариантов того, как использовать пространство Тучкова буяна, начиная с идеи нарезать строительные кварталы. В 1912 и 1913 годах организовали два конкурса на выставочный городок, где были бы здания и собственно для выставок, и для съездов, и музеи, и испытательные лаборатории и так далее. Ничего, в общем, из этого не вышло. Еще на рубеже веков там появилась большая краснокирпичная постройка — казенный винный склад и спиртоочистительный завод, в советское время — ГИПХ, институт прикладной химии... и вот оно, слепое пятно: вы смотрите в ту сторону и не видите ничего сопоставимого по качеству с остальной панорамой. Провал, который вы просто привыкли не замечать.

G: Какая-то плохая история у этого места, даже конкурсы не помогли.

В. Б.: В утилитарной, складской части этой истории ничего плохого нет. Приспособление промышленной архитектуры под новые нужды — важная составляющая современной работы с историческим наследием. А не получилось что-то сделать каждый раз по «объективным» причинам. Возьмем конкурс 1913 года — самый интересный и сильный с точки зрения архитектурных решений. В Петербурге планировалось провести две всероссийские выставки, поэтому на Тучковом буяне и собирались построить выставочный городок. Участвовали проекты Ивана Александровича Фомина, Оскара Рудольфовича Мунца и Михаила Хаимовича Дубинского — это все первоклассные архитекторы. Но планы нарушила Первая мировая война, потом — революция и так далее.

G: На круглом столе «Наследие» обсуждали, как прошлое этой территории может определить ее будущее. Получилось нащупать ориентиры?

В. Б.: Я, честно говоря, осторожно отношусь ко всем этим историям с памятью

места: это дает архитектору начальный набор элементарных метафор, которые чаще всего отрабатываются не так глубоко, как хотелось бы, примерно на уровне «был Голландский островок, давайте сделаем что-то про Голландию».

G: Тогда, возможно, стоит отталкиваться от функции этого места?

В. Б.: Я не социолог, не урбанист, мне сложно представить, с помощью каких механизмов можно выработать некий социальный консенсус по поводу этого пространства. Знаете, есть такая позиция — not in my yard. Когда говорят: «О, отличная вещь, пожалуйста, делайте, только не у меня во дворе». Здесь так не получится: Тучков буян — это my yard для пяти миллионов, уже даже для почти пяти с половиной миллионов жителей Петербурга разного возраста, с разным опытом. Представьте: несколько миллионов человек, и у каждого своя история отношений с этим местом, свои воспоминания.

G: А какие лично у вас отношения с этой территорией?

В. Б.: Например, мой папа всю жизнь в ГИПХе проработал: пришел после выпуска из института и ушел уже на пенсию. Помню, как колонну на майскую демонстрацию строили перед зданием, нам нужно было собираться у входа, — не сказать, что это обеспечивало сильно глубокие отношения с этим местом. Но потом в какой-то момент, еще в Академии художеств, руководитель подкинул идею написать про архитектурные конкурсы и, собственно, про Тучков буян. История этой местности, история конкурсов стали частью моей диссертации, затем книги. Так что к Тучкову буяну у меня скорее академический интерес, чем какие-то нежные чувства, связанные с особыми личными воспоминаниями. Возвращаясь к вопросу о функциональном наполнении — вероятно, лучше понимают ситуацию специалисты по городской недвижимости: они видят, какие функции

пользуются спросом, какие нет, могут давать какие-то прогнозы. Но выбор функций для этого места — не самая большая проблема Тучкова буяна. Люди привыкли ко всему, неважно, кино там устроят, выставочное пространство или «творческие мастерские», два зала на 500 человек или один зал на 1000 человек. Дело в другом: у нас есть фрагмент важной архитектурной панорамы, и нам его могут угробить, а могут... Нет, улучшать там нечего и некуда, хоть бы не испортили! В этом смысле я за чистый ландшафт, без каких-то дополнений, потому что большинство видимых архитектурных вторжений за последние десятилетия в Петербурге только ухудшали качество среды. Увы, пока я в отношении будущего «арт-парка» скорее пессимист.

G: Успех московского парка «Зарядье» не дает вам повода быть оптимистом?

В. Б.: Я боюсь, что с нашим парком будет сложнее, чем с «Зарядьем». И не из-за противостояния Москвы и Петербурга.